

УДК 347.23 (575.2) (04)

**КЛАССИЧЕСКАЯ ТРИАДА: СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА
СОБСТВЕННОСТИ ИЛИ ОДИН ИЗ ВАРИАНТОВ ОПИСАНИЯ
ПРАВОМОЧИЙ СОБСТВЕННИКА?**

Н.Р. Мулкубатова – ст. преподаватель

The problems are considered concerning the right of property. The author shows both traditional and available doctrinal positions.

В науке гражданского права, несмотря на обилие теоретических работ, еще с римского частного права, не существует определения понятия права собственности, которое бы в полной мере отражало сущность и содержание данной правовой категории. На протяжении многовековой истории человечества юристами различных поколений было дано множество определений права собственности. О.А. Омельченко очень точно подметил, что «эта категория исторически конкретна: каждая юридическая традиция, каждая правовая культура наполняет своим содержанием отвлеченное понятие собственности»¹. Все многообразие дефиниций можно свести к двум наиболее известным постулатам: право собственности – это господство лица над вещью (дополняя данное определение тем, что это безусловное, неограниченное, полное господство) и это отношения между собственником и другими лицами по поводу данной вещи. Но эти определения не отражают содержания права собственности, каждое из них имеет свои недостатки.

Традиционно триада воспроизводится в легальной дефиниции права собственности и, соответственно, содержание права собственности, как основного вещного права, раскрывается через классическую традицию: вла-

дение, пользование и распоряжение (ст. 222 Гражданского кодекса Кыргызской Республики). По мнению А.А. Рубанова, автором «триады» правомочий собственника является русский ученый В.Т. Кукольник, который сформулировал и обосновал ее в 1813 г.² В свою очередь Е.А. Суханов, ссылаясь на ту же работу А.А. Рубанова, пишет, что «в русское законодательство «триаду» внес М.М. Сперанский, что четко показано А.А. Рубановым»³. Впервые в российском законодательстве эта «триада» получила закрепление в 1832 г. в Своде Законов Российской Империи (ст. 420 т. X, ч. 1).

Рассмотрим полномочия, входящие в состав триады, и попытаемся обозначить некоторые проблемы, связанные с этим.

В юридической литературе при определении правомочия владения нет единства взглядов. Одни авторы под правомочием владения понимают право фактического господства над вещью, другие – предоставленную собственнику возможность держать вещь в своей хозяйственной сфере.

² Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В.П. Мозолин – М., 1986 – С. 105. Цит. по: Зинченко С.А. Бондарь Н.С. Собственность-свобода-право – Ростов н/Д.: Изд-во Рост, ун-та, 1995. – С. 88.

³ См.: Е.А. Суханов. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991 – С. 21.

¹ Омельченко О.А. Основы римского права. – М., 1994. – С. 161.

Правомочие владения – эта категория правовая, а не фактическая. Оно предполагает наличие правоотношений между собственником и другими лицами, сущность которых состоит в том, что никто не вправе владеть данной вещью без согласия собственника. Определение правомочия владения как фактического господства лица над вещью исходит из немарксистского представления о правовом отношении как отношении лица к вещи, скрывающая общественный характер отношений между лицами по поводу вещей. Кроме того, отношение господства предполагает подчинение воли одного лица воле другого. Однако вещи волей не обладают, а потому методологически неверно понятие “господства лица над вещью”.

Различают правомочие владения собственника и правомочие владения несобственника. Правомочие владения собственника отличается от правомочия владения других титульных владельцев. Собственник наряду с правомочием владения, если право собственности не осложнено какими-либо связями обязательственно-правового или иного характера (например, обязанностью собственника передать вещь покупателю), обладает и остальными правомочиями – пользованием и распоряжением, тогда как у других владельцев их может и не быть. Но даже в тех случаях, когда титульный владелец, не будучи собственником, наделен всеми этими правомочиями, последние существенно отличаются от одноименных правомочий собственника как по содержанию, так и по объему. Принадлежащее собственнику правомочие владения является правомочием вещного характера. Объектом этого правомочия являются вещи или их совокупность, определенных индивидуально. Правомочие владения собственника носит абсолютный характер, так как закон устанавливает обязанность всех других лиц воздерживаться от нарушения этого правомочия собственника. Если правомочие владения кем-либо нарушено, то собственник может восстановить его, предъявив к нарушителю – в зависимости от того, кто это правомочие нарушил – виндикационный или обязательственно-правовой иск.

В свою очередь, владение подразделяется на законное и незаконное. Законным является владение, которое опирается на определенное

правовое основание, т.е. титульное владение. Титульным может быть владение как собственника, так и других лиц (например, нанимателя, хранителя и т.п.).

В гражданском праве правомочие владения является не только одним из правомочий носителя какого-либо права, но и самостоятельным правом. Поэтому гражданское право охраняет не только титульное, но и фактическое владение, предоставляя фактическому владельцу особую владельческую защиту. Правомочие владения в советской правовой системе не являлось самостоятельным правовым институтом. Оно выступало как составной элемент различных правовых институтов, как одно из правомочий носителя определенного права, в первую очередь права собственности. Советское гражданское право не знало и института приобретения права собственности по давности владения (т.е. приобретения фактическим владельцем, провладевшим вещь бесспорно и непрерывно в течение определенного времени, права собственности на эту вещь). С данным положением не согласен Г.Н. Амфитеатров, который, утверждал, что в советском праве существует особая владельческая защита¹.

Обозначим теперь некоторые проблемы, связанные с полномочием владения. Существует давняя дискуссия: имеет владение юридический или фактический характер, является ли владение правом или фактом. Виндшейд, Мейер, Дернбург, Бартошек считали владение фактом. Наоборот, Г.Ф. Шершеневич полагал, что “владение охраняется против всех сограждан, потому что нарушителем его может быть каждый; владение возникает независимо от воли пассивных субъектов; владение имеет своим объектом вещь, а потому оно имеет полное основание занять место среди вещных прав”, это “существенная часть” права собственности, «владение есть право как по приведенным общим соображениям, так и по наименованию его “правом владения”². В. Хво-

¹ Амфитеатров Г.Н. Активная и пассивная легитимация в советском праве // Сб. тез. докл. на научн. сессии ВИЮН – М., 1946. – С. 34–36.

² Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907). – М.: Спарк, 1995. – С. 142, 152–153.

стов полагает, что “юридическое владение”, т.е. владение, защищаемое владельческими интердиктами, есть право, но право с довольно скудным содержанием»¹.

Владение-факт, не порождающее определенных правовых последствий, не является предметом науки гражданского права, поскольку она не занимается собственно фактами. Для науки гражданского права представляет интерес такое фактическое отношение к вещи, которое, при определенных обстоятельствах, может привести к праву собственности (приобретательская давность), получению вознаграждения (за содержание пригульного скота) и т.п. Владение-право следует рассматривать как составную часть учения о праве собственности.

Необходимо указать, что в юридической литературе давно уже ведется спор вокруг еще одного вопроса: предшествует ли становление владения собственности или следует за нею.

По мнению Г.Ф. Шершеневича “в развитии вещных прав право собственности должно предшествовать владению”². Другого мнения придерживались Мейер, а также Невалин, Дождев и Победоносцев, которые вслед за римскими юристами считали, что в историческом развитии владение, как отношение фактическое, предшествует праву собственности, как отношению юридическому.

Есть основания принять предположение, что владение имело, конечно, доправовое бытие, никак не связанное в отличие от других юридических архетипов с обменом и которое сводилось только к защите от внешних посягательств и такое владение не затрагивало права. Однако, на наш взгляд, применительно к ранним этапам развития человечества затруднительно вообще говорить о четком противопоставлении владения и собственности, так как такое разделение проводилось слабо, а часто не проводилось вовсе. Например, в литературе указывается на то, что в древнеиндийском праве понятия “собственность” и “владение” не дифференцированы, а владение никак не выделяется, будучи поглощено либо собствен-

ностью, либо пользованием³. Поэтому окончательное решение относительно вопроса, является ли владение “предвестником собственности” или наоборот, не может быть получено, так как данная проблема обостряется тесным взаимодействием владения и собственности.

Другим правомочием собственника является правомочие пользования. Под правомочием пользования понимается юридически обеспеченная возможность эксплуатации вещи путем извлечения из нее ее полезных свойств. Обычно собственник сам осуществляет правомочие пользования и, как правило, правомочие пользования неотделимо от правомочия владения. Особенно ярко это проявляется в отношении владения и пользования земельными участками, так как для отдельных субъектов (физических и юридических лиц) факт владения земельным участком является одновременно обязанностью его использовать. В противном случае, например, при условии неиспользования земельного участка или неиспользования части земельного участка, предоставленного для сельскохозяйственного производства, в течение 3 лет последние могут быть принудительно изъяты (п. 3 п. 1 ст. 66 Земельного кодекса Кыргызской Республики). Возможно, однако, осуществление правомочия пользования и другим лицом. Предполагается, что собственник осуществляет полномочие пользования по своему усмотрению. Но, следует оговориться, что осуществление собственником полномочия пользования должно соответствовать различным требованиям по охране окружающей среды, рациональному использованию, безопасности жизни и здоровью других людей и т.п.

Трактовать пользование только как обслуживание нужд собственности не совсем корректно. Как известно, Гражданский кодекс Кыргызской Республики (п. 1 ст. 228, ст. 236) наделяет статусом вещного права право бессрочного (без указания срока) пользования земельным участком, а Земельный кодекс Кыргызской Республики (п.1,2 ст. 7) – право срочного пользования. Таким образом, как и право

¹ Хвостов В.М. Система римского права. Учебник – М.: Спарк, 1996. – С. 273.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 154.

³ Самозванцев А.М. Система юридической аргументации в древнеиндийском праве // Древняя Индия: Язык, культура, текст. – М.: Наука, 1985. – С. 260–263.

владения, право пользования может выступать не только как структурный элемент содержания права собственности, но и в виде самостоятельного права.

К числу правомочий собственника относятся и правомочие распоряжения. Единства взглядов по поводу определения содержания правомочия распоряжения не достигнуто. По мнению одних авторов, правомочие распоряжения – это возможность определить не только юридическую, но и фактическую судьбу вещи¹. Другие авторы правомочие распоряжения рассматривают как возможность определять только юридическую судьбу вещи².

В юридической литературе существуют разногласия в определении содержания и соотношения правомочий пользования и распоряжения. Одни авторы считают, что если во время потребления вещи она уничтожается, то это осуществление лишь права пользования³. Другие же считают, что в данном случае в одном акте происходит осуществление правомочий и пользования, и распоряжения⁴.

Правомочие распоряжения осуществляется при помощи юридических актов (сделок, административных актов). Между тем потребление вещи, завершающееся ее уничтожением, не является юридическим актом, так как воля собственника специально не направлена на прекращение правоотношения собственности. Воля собственника здесь направлена на извлечение из вещи полезных свойств, а не на унич-

тожение ее. При этом всякое пользование вещью приводит в итоге к ее уничтожению, только одни вещи уничтожаются в одном акте пользования (например, продукты питания, сырье), а другие в течение известного времени сохраняют свой натурально-вещественный субстрат (например, орудия производства). Поэтому следует согласиться с авторами, которые считают, что в тех случаях, когда собственник уничтожает вещь вне пользования ею (например, ненужную ему вещь), то он осуществляет именно правомочие распоряжения, так как собственник намеренно прекращает право собственности на вещь. При намеренном уничтожении вещи или ее выбрасывании собственник выражает свою волю в конкретной форме – прекратить свое право собственности; налицо односторонняя сделка.

Правомочие распоряжения вещью не может быть сведено к фактической возможности, т.е. к так называемому фактическому распоряжению, а является юридической возможностью осуществить свою волю. Эта возможность признается и за тем, кто утратил вещь за период, в течение которого объективное право сохраняет за ним право собственности. Поэтому юридически вещь может принадлежать одному, а фактически находится во власти другого. Мы присоединяемся к позиции тех авторов, которые трактуют правомочие распоряжения как возможность определять юридическую судьбу вещи.

Право распоряжения также может существовать вне права собственности. Это возможно как по воле собственника путем предоставления доверенности на совершение сделок по распоряжению имуществом третьими лицами, так и по закону. Закон предусматривает право опекунам и попечителям на распоряжение имуществом, принадлежащего опекаемым собственником. Имущество, обремененное залогом, либо принадлежащее предприятию, признанному судом банкротом, также ограничивает право собственника на его распоряжение. В этом случае залогодержатель либо кредитор по решению суда вправе распоряжаться имуществом собственника.

Давайте вернемся к самой проблеме триады. “Триада” правомочий, писал Е.А. Суханов, недостаточна для характеристики содержания

¹ См.: *Агарков М.М.* Основные принципы советского гражданского права // Советское государство и право, 1947. – С. 41; *Венедиктов А.В.* Государственная социалистическая собственность. – М.; Л.: Академия наук СССР, 1948. – С. 15.

² См.: *Карасс А.В.* Право государственной социалистической собственности. – М., 1954. – С. 186–187; Советское гражданское право / Под ред. О.А. Красавчикова. – Т. 1. – М., 1985. – С. 303.

³ См.: *Братусь С.Н.* Некоторые вопросы проекта Гражданского кодекса СССР // Советское государство и право, 1948. – №12. – С. 17; *Карасс А.В.* Указ. соч. – С. 186–187; Советское гражданское право / Под ред. В.А. Рясенцева. – Ч. 1. – М., 1986. – С. 278.

⁴ См.: *Агарков М.М.* Указ. соч. – С. 41; *Венедиктов А.В.* Указ. соч. – С. 346.

права собственности, и было бы ошибкой представлять ее как единственно возможный и правильный вариант описания правомочий собственника¹.

В связи с этим, предпринимались попытки дополнить эту “триаду” другими правомочиями, например, правомочиями охранения собственности и управления. Собственник действительно может отыскивать свою вещь, в чьих бы руках она не находилась; но право судебной защиты не составляет какого-либо особенного права, составной части права собственности: право судебной защиты сопутствует всякому праву, входит в состав самого понятия о праве – право без права судебной защиты – не право. Что касается такого правомочия права собственности, как правомочие управления, то и здесь мнения авторов разделились. Например, А.В. Карасс рассматривал правомочие распоряжения как составляющую функции управления государственным земельным фондом. Т.А. Аксененок правомочие управления землей рассматривает как четвертое правомочие государства – собственника, наряду с правомочиями владения, пользования и распоряжения². В литературе указывается, что этот ряд полномочий можно продолжить по примеру англосаксонской концепции, которой предлагалось от 11 до 15 полномочий собственника³.

Следует согласиться с А.А. Рубановым в том, что “этот перечень не имеет универсального значения”⁴, что если бы “рассматриваемый компонент полностью отсутствовал, нарушений в сфере потребления и обращения не наступило бы”. Не случайно при принятии ГГУ, что единодушно воспринималось как решительное избавление от юридических пе-

режитков средневековья, было сформулировано категорическое заявление: “... собственность не является суммой отдельных полномочий”⁵.

В настоящее время многие цивилисты не ставят под сомнение, что триада полномочий собственника не выражает содержание собственности. Попытаемся раскрыть существующую проблему триады. Во-первых, в литературе существует точка зрения, что одной только триадой – владение, пользование, распоряжение-право собственности не ограничивается, так как можно перечислить их множество. Так, А.М. Опоре выделяет одиннадцать правомочий в составе собственности. Л. Беккер, согласный в целом с концепцией А.М. Опоре, приводит подсчеты, которые позволяют указать 1500 вариантов правомочий собственника⁶. И, наоборот, в доктрине существует и противоположное видение, предполагающее сведение классической триады лишь к полномочиям пользования и/или распоряжения⁷. Таким образом, невозможно дать исчерпывающий перечень правомочий собственника.

Во-вторых, триада правомочий страдает тем пороком, что на почве “прав владения, пользования, распоряжения” возникает устойчивое впечатление о тождественности этих “прав”, где бы они ни обнаруживались. В результате и в нашей теории права, и в практике весьма редко можно, например, встретить понимание того, что владение, осуществляемое собственником, совсем не то, что у арендатора или хранителя, что это совсем разное отношение к вещи, совсем разная мотивация и поведение. Если собственник вполне свободен, беспечен, увлечен вещью самой по себе, связывает с ней свое будущее, то арендатор стремится извлечь из вещи максимум сиюминутной выгоды, отягощен ответственностью

¹ См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 20.

² Аксененок Т.А. Право государственной собственности на землю в СССР. – М., 1960. – С. 216.

³ Кулагин М.И. Основные институты современного частного права // Избр. тр. – М.: Статут, 1997. – С. 255.

⁴ Рубанов А.А. Проблемы совершенствования теоретической модели права собственности // Развитие советского гражданского права на современном этапе / Отв. ред. В.П. Мозолин. – М.: Наука, 1986. – С. 105; Суханов Е.А. Гражданское право. – Т. 1. – М.: БЕК, 1994. – С. 203.

⁵ Цит. по: Савельев В.Л. Германское гражданское уложение. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1983. – С. 42.

⁶ Советское и иностранное гражданское право (проблемы взаимодействия и развития) / Отв. ред. В.П. Мозолин. – М.: Наука, 1989. – С. 20.

⁷ Кулагин М.И. Основные институты современного частного права // Избр. тр. – М.: Статут, 1997. – С. 252.

за ухудшение вещи сверх нормального износа, и все улучшения вещи не для него, а для другого. Абсурдом является само предположение, что права, переданные собственником иным лицам, – это те же права, которыми обладал и сам собственник. Не может быть сомнений, что деятельность собственника в принадлежащем ему вещном окружении, какими бы понятиями она ни описывалась, пусть даже это будет владение или пользование, всегда будет качественно, принципиально иной, чем поведение в чужой вещной среде всех прочих лиц.

Однако весь смысл триады состоит в том, что входящие в нее “правомочия” представляются качественно равными себе и не претерпевающими никаких изменений при передаче; соответственно все богатство реальных правоотношений сводится к разным вариантам незатейливой мозаики из трех одинаковых камешков, а гибкость и многозначность жизни подменяется неодоушевленными схемами.

В-третьих, из всей проблематики триады наиболее известна проблема, что триадой не исчерпывается содержание права собственности. От права собственности может быть отделено и владение, и пользование, и даже распоряжение, но право собственности остается. Объем права собственности всегда остается неизменным в границах, установленных законом. Наглядным примером может служить, например, сохранение собственности при отпадении всех трех элементов: владения, пользования, распоряжения в результате ареста и изъятия вещи. В данном случае, как отмечает К.И. Скловский, утрата собственником указанных возможностей в полном составе триады не означает приобретения их иными лицами, а это в значительной мере лишает ценности всю концепцию триады, которая, по строгой логике, должна сохранять существование, пока сохраняется и право собственности. У органа власти, осуществляющего арест и изъятие вещи, имеются относительно этой вещи полномочия только административного характера, но никак не частные (гражданские) права.

Однако нельзя отбросить те вопросы, которые обязательно встают перед каждым, кто критикует авторитетную традицию.

Хотелось бы сказать несколько слов и в защиту этой классической традиции. Во-первых, триада все еще остается одной из наиболее универсальных концепций. Еще Гегель, как отмечалось, опирался на логику триады (владение – пользование – договор), раскрывая суть собственности. Во-вторых, по мнению многих юристов, триада имеет и доктринальную, и практическую незаменимость. Можно процитировать высказывание А.В. Венедиктова: традиционный перечень правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению его имуществом представляет выражение того общего, что свойственно праву собственности... во всех формациях¹. Данная позиция, по нашему мнению, не утратила своего значения в настоящее время, хотя бы по причине ее указания в отечественном законодательстве.

Если нет смысла искать содержание права собственности в правомочиях собственника (триаде), то, значит, следует обратиться к чему-то другому. Вся совокупность обозначенных проблем, связанных с триадой полномочий собственника, наводит на мысль, что нет необходимости ни урезать, ни дополнять уже ставшую привычной традицию – триаду – другими полномочиями, а необходимо сконцентрировать содержание права собственности на некоторых признаках, которые будут присущи этим полномочиям. Чтобы раскрыть содержание права собственности, необходимо вычленивать те качества, которые отличают собственность от всех других юридических феноменов. Такими качествами, как признают многие авторы, безусловно, являются исключительность, абсолютность, полнота и др.²

Однако эти качества не обнаруживаются в вещи, ведь она по определению не может быть абсолютно свободной, автономной (в противном случае она не может попасть во владение). И вряд ли они свойственны

¹ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. – М. – Л.: Академия наук СССР, 1948. – С. 17.

² См.: Скловский К.И. Собственность в гражданском праве: Учебн.-практ. пособие. – 3-е изд. – М.: Дело, 2002. – С. 132.

единству лица и вещи. Скорее, данные свойства присущи лицу. Именно лицо “помещает свою волю в вещь” и тем самым присваивает ее, превращает в свою собственность. По Гегелю, лицо есть “бесконечное, всеобщее и свободное”¹. “Свобода есть основной внутренней признак каждого общества, сотворенного по образу и подобию Божьему”². Свойства лица – это и черты собственности, – пишет К.И. Скловский.

Отождествление со свободой – это чрезвычайно важная характеристика права собственности как юридического отношения. Собственность всеобща (абсолютна) и свободна. “Свобода и собственность в прошлом – слова одного корня”³. Многие древние народы собственностью обозначали личность человека. «В глазах древневосточного человека вещи героя служат прямым продолжением его “я”... В древневосточной модели мира вещь предстает связанной, соединенной с человеком»⁴. Например, широко известен всеобщий обычай погребения вместе с человеком его личных вещей, невзирая на их ценность. Обычай уничтожения личного имущества со смертью его владельца был связан с верой людей в тесную связь собственника со своими вещами.

Собственность, выступая частью лица, “немыслимой без него”, по выражению Аристотеля, конечно, приобретает и свойства человека. Поэтому мы должны согласиться с тем, что собственность по природе своей есть начало духовное, а не материальное⁵.

Другие авторы видели истоки собственности в насильственном захвате. Для челове-

ка, живущего в таком мире, который делится на враждебный и “свой”, захват и присвоение вещей из враждебного внешнего окружения, перенесение их по эту сторону ограды – это благое деяние, упорядочивание мира, уменьшение в нем сил хаоса. Получаемая таким образом собственность не только бесспорная и абсолютная, но и благословенная, богоугодная.

Право собственности независимо от ее форм, по мнению Р.И. Капелюшникова, определяется как фактически действующая в обществе система исключений из доступа к материальным и нематериальным ресурсам и ценностям. Понятие “исключительность” выступает в качестве смыслового центра, организующего в определенную систему бесконечную вереницу разнообразных конкретных собственнических правомочий⁶.

Хотелось бы также присовокупить к вышеуказанным признакам еще и другой немаловажный признак – собственность должна выполнять социальную функцию. Поскольку собственнику противостоят интересы соседей, других лиц и общества в целом, право собственности имеет известные пределы и предполагает наличие у собственника определенных обязанностей. В этом случае обычно говорят об ограничениях права собственности. Между тем Г. Дернбург считает, что “требования, предъявляемые к собственнику, не составляют, строго говоря, ограничений собственности”. В связи с этим некоторые юристы конца XIX в. исключили из своих учений о содержании права собственности вопросы обязанностей собственника (например, Бринц). В современном праве, писал Г. Дернбург, все большее значение приобретает социальный фактор. Собственник уже не вправе чувствовать себя неограниченным хозяином вещи, содержание его права собственности нельзя представить без внутренне присущим праву собственности ограничений. Как пишет Эрши: “Ограничение собственности становится неотъемлемым элементом содержания собственно-

¹ Гегель Ф.Г. *Философия права* / Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – С. 97.

² Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества*. – М., 1989. – С. 138; Чичерин Б.Н. *Собственность и государство* // *Русская философия собственности*. – СПб., 1993. – С. 114.

³ Колесов В.В. *Мир человека в слове Древней Руси*. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – С. 106.

⁴ Вейнберг И.П. *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. – М.: Наука, 1986. – С. 76, 83.

⁵ Бердяев Н.А. *Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии* // *Русская философия собственности*. – СПб., 1993. – С. 304.

⁶ Капелюшников Р.И. *Экономическая теория прав собственности (Методология, основные понятия, круг проблем)*. – М., 1990. – С. 11.

сти”¹. Однако в действующем законодательном определении права собственности отсутствует указание на его социальный приоритет, хотя необходимость такого указания в статье 222 ГК КР является, с точки зрения автора, очевидной. Данные законодательные изменения должны реально отражать существующую зависимость власти собственника над своим имуществом от третьих лиц и общества в целом путем указания, что усмотрение собственника определяется его волей, пределами и ограничениями, установленными законом в интересах третьих лиц. По данному поводу уместно привести слова немецкого юриста Гедемана: «Если, отвлекаясь от требований политической программы, слово “социализация” употребляется в том смысле, что собственник обязан считаться со своими соседями, своим окружением, а также с обществом, *socaitas*, то социализация собственности имела всегда»².

Характеристика права собственности была бы неполной без раскрытия формы бытия данного явления. В литературе существует мнение, что право собственности составляет элемент правового отношения и за его рамками существовать не может. Однако, не все с этим согласны. Так, Д.М. Генкин отмечает, что абсолютное право вообще и право собственности, в частности, находится за пределами правоотношения и является самостоятельным образованием³. Основным аргументом служит положение о том, что правовое отношение с неопределенным составом участников существовать не может, так как отсутствует взаимодействие между этими субъектами. В противовес данному мнению указывается, что участники правоотношения могут соединяться не только правами, но и косвен-

ными (опосредованными) узами⁴. При этом указывается, что при косвенных связях лица непосредственно в контакт друг с другом действительно не вступают, что, однако, не исключает их взаимодействия в той или иной сфере. Участники таких отношений не перестают быть в юридическом общении.

Отвечая на вопрос, кто прав в этом споре, необходимо прежде всего отметить, что правоотношение собственности обладает сложной структурой. А.А. Ерошенко определял следующим образом:

а) между собственником вещи и государством существует прямая юридическая связь. Она выражается в обязанности соответствующих государственных органов обеспечить управомоченному субъекту возможность беспрепятственного осуществления им владения, пользования и распоряжения своим имуществом в пределах, установленных законом. Этим особенностям корреспондируют права собственника вещи;

б) прямая связь существует также между государством и всеми лицами, от которых государство требует поведения, не препятствующего собственнику осуществлять свои права;

в) собственник имущества и все лица, на которых распространяется государственная власть, соединяется косвенными (опосредованными) правовыми узами, слагающимися из двух вышеназванных элементов⁵.

Соглашаясь с тем, что и собственник, и все третьи лица находятся в юридической связи с государством, нельзя в то же время признать правильным утверждение о существовании между собственником и всеми третьими лицами лишь косвенной связи. Эта точка зрения выводит субъективное право собственника за пределы абсолютного правоотношения, специфика которого как раз и состоит в том, что собственник находится со всеми третьими лицами не в косвенной, а именно в прямой связи. Что же касается связи собственника и третьих лиц с государством, то она по сущест-

¹ Цит. по: Кулагин М.И. Основные институты современного частного права // Избр. тр. – М.: Статут, 1997. – С. 246.

² Цит. по: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории “хозяйственного права”. – М.: Статут, 2000. – С. 136.

³ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1958. – С. 25.

⁴ См.: Новинский И.И. Понятие связи в марксистской философии. – М., 1961. – С. 120.

⁵ Ерошенко А.А. Личная собственность советских граждан. – Краснодар, 1970. – С. 33.

ву означает определение государством меры дозволенного собственнику поведения и возложение государством на всех третьих лиц обязанности воздерживаться от вмешательства в эту меру.

Таким образом, право собственности существует в качестве элемента правоотношения. Вне правоотношения право собственности существовать не может.

Многогранность понятия собственности заставляет нас рассматривать эту категорию под разными углами зрения: и как юридическую, и как историческую, и как морально-этическую. Категория собственности, с точки зрения исторической науки, носит объективный, не зависящий от воли людей характер,

обусловленный факторами эффективного использования природных ресурсов и развития производительных сил. Правовая характеристика собственности представляет собой субъективное толкование сложившихся (в силу национальных обычаев и традиций) отношений по поводу присвоения благ. Первые источники, упоминающие о собственности, как правовой категории – это религиозные, священные книги: Библия, Коран и их интерпретации. Религиозные писания содержали в основном постулаты будущего института права собственности. Несомненно также, что собственность – это также категория морально-этическая, так как с ней связаны социальная справедливость, социальная функция.